

Ключевые имена национальных культур как проблема изучения в стилистике

ЮЛИЯ А. ГУРСКАЯ
(Минск)

Одним из аспектов сопоставительной стилистики является изучение „языка в действии”, сквозь призму его социальных функций, в которых проявляются не только внутренние отношения единиц языковой системы, но и их внешние связи, отношения со средой.

Как известно, каждому языку соответствует особая организация данных опыта и даже при наличии сходных наименований языки пользуются ими по-разному. При этом особое значение может иметь изучение и описание ключевых понятий культуры в зеркале другого, даже близкородственного языка, поскольку контрастные черты языка проступают наиболее ярко на фоне сходных черт.

Еще более важное значение в этом отношении имеют ключевые имена, так как, по замечанию В. Соловьева (1991), история духовной культуры человечества вся держится собственными именами. Ключевые имена культуры как предмет изучения стилистики исследовались мало, а между тем их роль достаточно велика. Имя, как одна из универсалий культуры, выполняет функцию хранения и трансляции традиций, истории, культуры народа. Речь идет об уникальных именах, контрастивное сопоставление которых в двух языках (например, в русском и белорусском) выявляет национальный языковой тип (ср.: русский языковой тип – Караулов 1987), способствует постижению „духа языка”, специфики его использования представителями разных лингвокультур. При этом часть таких имен может

одновременно проецироваться на несколько культур (*С. Полоцкий* – восточно-славянская культура, *К. Калиновский* – Беларусь, Литва, Польша), другие, например, *Рогнеда*, имеют специфически белорусские коннотации.

Особо важное значение для русского национального самосознания имеет имя *Степана Разина*, функция которого в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации тождественна условному сигналу, или „рефлекторной дуге”: намек – и определенное явление оживает, актуализируется в сознании слушателя, прецедент вступает в игру. Выделить это имя среди других значимых для русской культуры имен нам позволили следующие предварительные наблюдения:

1. Имя *Степана Разина* попадает в фольклор, активно осваивается фольклорным сознанием, на что указывает и А. Н. Афанасьев (1869). Так, по словам исследователя, образ *Разина* в народно-христианском восприятии связывался, во-первых, с преданиями о царе-избавителе, страдальце за народное счастье, что имеет параллели и в других культурно-исторических ареалах, так как восходит к общим мифопоэтическим представлениям о первопредке, культурном герое. С другой стороны, обладание сверхъестественной силой, чудесным „мечом, обращающим врагов в бегство”, способность воскресать и ждать свершения „Страшного Суда”, когда Разин, „подобно Антихристу станет всех по рукам разбирать” придает этому образу сакральные свойства.

При этом интерпретация указывает не столько на родственную связь двух явлений в культуре, сколько отражает национальную художественную, мифологическую „логику”, когда народная жизнь XVII в., как отмечалось в специальной литературе, воспринимала „сакральные символы без опосредующей десимволизации и десаκραлизации их” (Плюханова 1982).

В поздних преданиях можно обнаружить сближение *Разина* с *Аввакумом*; в то же время, как отмечают исследователи, другие имена исторических личностей (например, Петр I) осваивались фольклорным сознанием по образцу этого имени. Таким образом, возникает именная аттракция – имя *Степан Разин* осмысливается в зеркале других значимых для русской культуры имен.

Особо значимым становятся ассоциации образа *Разина* с понятием народного царя, „царя-батюшки”, в основе которого лежит специфическая

концепция сакрализации царя и царской власти, получившая широкое распространение в Древней Руси (Успенский 1982).

2. Имя *Разина* активно осваивается философами, писателями, на уровне когнитивного сознания; к нему обращались в своем творчестве Н. Бердяев, В. Ключевский и др. Они показывают на фигуру Разина как на воплощение основных черт русского национального типа. С одной стороны, русский народ смиренно помогал образованию деспотического, самодержавного государства. Но с другой, он убегал от него в вольницу, бунтовал против него.

Известный белорусский поэт Я. Колас и украинский писатель В. Г. Короленко осваивали имя *Разина* в своем творчестве также на уровне когнитивного сознания в оппозиции „свое-чужое”. Этот процесс может быть настолько значительным, что при помощи образа-символа *Степан Разин* могут быть описаны ключевые моменты русской истории и русской культуры.

В художественную литературу образ *Разина* ввел А. С. Пушкин (*Песни о Стеньке Разине*, 1826), значительно расширив его культурный фон. Сквозные в этом произведении определения *грозен*, *разгульный*, *разбойник*, составляющие как бы анаграмму имени *Разин*, связывают этот образ в творчестве А. С. Пушкина с именами *Пугачева*, *Дубровского*, *Евгения*, составляя в своей основе „некий единый архетип”, волновавший поэта в связи с бунтарскими возможностями народа.

С другой стороны, слово *грозен*, ассоциативно связано с другими важными для русской культуры именами – *И. Грозным*, *Петром I*, символизирующими Империю, Насилие, Власть. В связи с этим можно полагать, что ключевые имена, как и ключевые слова эпохи, способны объяснять семантику других имен, или, как подчеркивали ранние семиотики, знак только тогда становится знаком, когда он интерпретирован с помощью других знаков (Кубрякова 1991).

Таким образом, в творчестве А. Пушкина впервые у имени *Степан Разин* появляется сема ‘смута’, что является особенно актуальным при осмыслении этого имени последующей литературой. Образ *Разина* становится ключевым в своеобразной системе имен-мифов, имен-символов в русской поэзии начала XX века, актуализируясь в различных аспектах в творчестве В. Хлебникова, М. Цветаевой, М. Волошина, С. Есенина. Имя *Разина* часто осмысляется в эсхатологическом ключе (*Стенькин Суд*,

Кутеж М. Волошина 1917), символизируя гибнущую цивилизацию, культуру, возвращение Смутного времени.

Поэты предлагают собственную этимологию этого имени – *разить* у М. Волошина, азиатские коннотации у В. Хлебникова (ср. историсофскую трактовку Россия – Азия, указывающую на парадоксальное сочетание „западной” и „восточной” парадигм). Лексическое и тематическое сходство позволяет говорить об интертекстуальных связях, ср. А. Пушкин *Песни о Стеньке Разине* (1826) – М. Цветаева *Стенька Разин* (1917).

При этом особо значимым в поэтическом творчестве (как и в мифологии) становится образ *пути Разина* ср.: *Разин – Два Триединства* В. Хлебникова, *Братская ГЭС* Е. Евтушенко), являющегося смысловым и композиционным центром произведения, а также связь Разина с божеством солнца Ра в поэзии В. Хлебникова, имеющим тесное отношение к *пути* (Топоров 1983). Развитие событий XX века делает актуальным этот образ в произведениях современников – почти одновременно к нему обращаются в своем творчестве В. Шукшин и Е. Евтушенко. В 80-е годы имя *Степана Разина* входит в публицистическую речь, становится принадлежностью кодифицированного русского языка, часто выражает общественную оценку носителя имени, употребляется уже как нарицательное: *Наши стеньки разины*.

Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения национального самосознания имя *Степан Разин* является своеобразным диахроническим культурным текстом, который осваивается носителями языка, поэтами, писателями, философами на уровне фольклорного, когнитивного, языкового сознания.

Для белорусской культуры, в отличие от русской, особо значимы женские имена – *Е. Полоцкой*, *Рогнеды*, а также имя *Ф. Скорины*, что можно подтвердить и примерами из художественной литературы. Имя *Ф. Скорины*, впервые введенное М. Богдановичем в белорусскую поэзию в начале XX в. в цикле *Старая Беларусь* (1912), сложно и неоднозначно преломляется в его творчестве.

Одним из основных имен-образов у М. Богдановича становится имя *Максима Книжника*, в котором предикат *Книжник* поэт соотносит с собой и прочитывает как свою основную миссию. Книга, одно из ключевых слов в поэзии, является коннотативом для Белоруссии, так как связано с именем *Ф. Скорины*, которое поэт осваивал как на уровне когнитивного, так и языкового сознания.

С другой стороны, предикат *Книжник* в сознании читателя начала XX века связывается с рукописной традицией и со старобелорусской книжной поэзией, в частности, с именами *Симеона Полоцкого*, *Евфросинии Полоцкой*, *К. Туrowsкого*, являющихся символами национального Возрождения Беларуси. „Как известно, – пишет белорусский философ В. Конан, – старобелорусская книжная поэзия началась Ф. Скориной и закончилась С. Полоцким. Между ними – столетие гуманистической культуры, известное в Европе как Возрождение. А между этой эпохой и началом белорусского национального возрождения – два столетия скрытого от официальной европейской культуры духовного развития белорусского народа” (Конан 1991).

Таким образом, национальное возрождение Беларуси в сознании поэтов, писателей, философов устойчиво связывалось с именами *Ф. Скорины*, *Е. Полоцкой*, *С. Полоцкого*.

Очень сильны для белорусов женские имена, о чем свидетельствует постоянное включение их в состав сильных позиций в поэтическом тексте, „с помощью которых автор подчеркивает ...основные смысловые вехи текста, нередко (в подтексте) – свое мировоззренческое кредо” (Протченко 1986). Так, *Мадонна*, второе ключевое имя в творчестве М. Богдановича, ассоциируется с именем матери поэта – Марии Афанасьевны Мякоты, образ которой связан с образом Родины, что актуализирует устойчивое сочетание родина-мать, конденсирующее глубинный сюжет поэмы.

С другой стороны, образ богоматери в сознании всего культурного населения Белоруссии н. XX в. соотносился с именем первой просветительницы – *св. Евфросинии* – „Предславы княжны Полоцкой, небесной покровительницы, патронессы Белоруссии” (Орлов 1992), что углубляет вертикальный контекст произведения.

Особое значение имеет „прецедентность” текстов соответствующей культурно-языковой среды, знаками, символами которых нередко выступают ключевые имена национальных культур. Чем выше степень „прецедентности” текстов для соответствующей культуры, тем более сложным оказывается функционирование данного языкового знака в воображаемом мире художественного текста.

Так, высокая степень прецедентности текста о *Рогнеде* для белорусской культуры позволяет сделать вывод, что за именами *Бондаровна*, *Павлинка* в поэзии Я. Купалы стоит семантически компрессированный текст о *Рогнеде*, имя которой возникает на вертикальном контексте в качестве

глубинного сюжета художественного текста. Повтор сюжета о судьбе *Рогнеды* в ранних поэтических произведениях Я. Купалы вводит тему Беларуси, образ которой у поэта традиционно связывается с ключевыми для белорусской культуры женскими именами. Таким образом, имя *Рогнеды* в творчестве Я. Купалы, наряду с другими женскими именами, попадает в центр поэтического поля Родины, характеризуя идиостиль поэта. Такие ассоциации женщины с образом Родины характерны, как отмечают исследователи, для большинства современных культур (архетип, связанный с древними представлениями), но в белорусской культуре эта связь сильнее, так как присутствуют постоянные ассоциации с именами *Рогнеды*, *Е. Полоцкой*.

В последнее время белорусскими мастерами слова создано много национально-ориентированных текстов (для которых основной является функция знакомства с традициями, культурой и историей народа, см. Прохорова 1992). Особое место среди них занимают тексты-персоналии о *Рогнеде*, *Е. Полоцкой*, *Ф. Скорине*, что свидетельствует об активном освоении этих имен на современном этапе.

В один ряд с именами *Степан Разин* в белорусской культуре попадает имя *К. Калиновского*, фольклорный образ *Машэки*, как имена протеста, но они не такие острые, менее освоены.

Таким образом, ключевые имена выполняют совершенно особую стилистическую роль. Осуществляя „память” культуры являясь знаками, символами „прецедентных” текстов (Ю. Караулов), ключевые имена национальных культур функционируют в центре поэтического поля Родины, так как относятся к безэквивалентной и фоновой лексике, характеризуют идиостиль писателя.

Имена *Ф. Скорины*, *Е. Полоцкой*, *Рогнеды* в белорусской культуре принадлежат к числу таких, в которых по словам Н. Рериха (1991), выражена душа народная, которые уже вышли за пределы личности, стали синтетическими, мировыми понятиями. Рассмотренные ключевые имена выявляют национальный языковой тип, подтверждая, что даже близкородственные культуры имеют совершенно различные ключевые имена.

Литература

- Афанасьев А. Н., 1869, *Поэтические воззрения славян на природу*, Москва.
Караулов Ю. Н., 1987, *Русский язык и языковая личность*, Москва.

- Конан У. М., 1991, *Святло паззі і цені жыцця*, Мінск.
- Кубрякова Е. С., 1991, *Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. - Логический анализ языка*, Москва.
- Орлов В., 1992, *Евфросиния Полоцкая*, Минск.
- Плюханова М. Б., 1982, *О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. - Художественный язык средневековья*, Москва.
- Протченко И. Ф., Черемисина Н. В., 1986, *Лексикология и стилистика в преподавании русского языка*, Москва.
- Прохорова С. М., 1992, *Русский текст, ориентированный на культуру Беларуси. - Язык и культура. Первая Международная конференция. Материалы*, Киев.
- Рерих Н., 1991, *Твердыня пламенная*, Рига.
- Соловьев В. С., 1991, *Философия искусства и литературная критика*, Москва.
- Топоров В. Н., 1983, *Текст: семантика и структура*, Москва.
- Успенский Б. А., 1982, *Царь и самозванец. - Художественный язык средневековья*, Москва.

Dominant Names of the National Cultures as a Problem of Investigation in Styles

The article deals with the investigation and description of dominant names in national culture in the context of another even a close cognate language (in this article Russian and Byelorussian language) as the least investigated problem of comparative stylistics.

For this purpose folk texts of corresponding cultures, works of outstanding Russian, Byelorussian philologists and poetic texts of Russian and Byelorussian culture of the beginning the XX century are investigated.

The contrast comparison of dominant names in the two languages reveals a national language type, promotes to comprehend „a national language spirit”. It also confirms that even closely related cultures have quite different dominant names.